

ФИЛОЛОГИЯ*(шифр научной специальности: 10.02.19)*

УДК 81

Л.В. Гриченко*Южный федеральный университет**г. Ростов-на-Дону, Россия*rgrichenko@yandex.ru**ОТРАЖЕНИЕ ВРЕМЕННОГО КОДА КУЛЬТУРЫ
В ПОСЛОВИЧНЫХ ФОНДАХ
АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ****[Lyudmila V. Grichenko Reflection of cultural time code
in Russian and English proverbial funds]**

It has been described the time concepts in the Russian and English proverbial funds. The units of time code verbalization are considered in the aspects of their cognitive determination and system language abilities that reveal the universality and specificity of linguocultural time representation. The given research is based on a systematic approach to the study of linguistic phenomena from the standpoint of traditional lexicographical, lexico-semantic and lexico-thematic analyzes, which allow to identify, describe and differentiate the linguistic means representing time codes in Russian and English proverbial funds and linguocultures. The proverbial funds of both languages demonstrate a wide range of means of direct and indirect time verbalization, which lead to possible intersections of different cultural codes in the aspect of their language actualization.

Key words: proverb, time code, culture code, direct and figurative meaning, cognition.

Пословичный фонд любого языка выступает сокровищницей народной мудрости, фиксирующей и отражающей коллективное восприятие действительности. Тематика и содержание пословичных единиц покрывает все сферы жизни общества, отражая существующее в сознании этноса мировосприятие и мироощущение. Именно по этой причине пословичные единицы нередко выступают репрезентантами кодов культуры (соматического, временного, пространственного, биоморфного, духовного, предметного) и оказываются предметом многочисленных научных исследований. Не теряя своей научной привлекательности, описание пословиц на протяжении многих десятилетий привлекает внимание многих отечественных и за-

рубежных исследователей, концентрирующих свое внимание на синтаксисе, семантике, функционировании, лингвокультурологических и лингвостилистических характеристиках пословиц.

В последние десятилетия особенную актуальность приобретают лингвокогнитивные и лингвокультурологические исследования пословиц, обнаруживающие тесную связь языка, культуры и сознания, в рамках которых анализируются стереотипы культуры, базовые концепты, их вербализация, универсальность и этноспецифичность, ценности и коды культуры. Проблема описания и представления времени в настоящий момент достаточно полно изучена в аспекте философии, биологии, метафизики, лингвистики (Платон, Аристотель, Д. Юм, Г. Лейбниц, И. Кант, Гегель, К. Ясперс, М. Хайдеггер, И. Ньютон, А. Эйнштейн, В.И. Вернадский, И.Р. Пригожин, А.В. Бондарко, Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая и др).

Ученые сходятся во мнении, что импульсом к изучению категории времени и пространства в отечественной науке послужили труды М.М. Бахтина и введенное им понятие «хронотопа». В лингвистике время рассматривается как самостоятельная категория темпоральности (А.В. Бондарко, Е.В. Тарасова, Т.П. Дешериева), грамматическим средствам выражения времени в языке и речи посвящены работы М.В. Всеволодовой, Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева, Е.В. Падучевой, Г.А. Золотовой. В рамках когнитивной парадигмы рассматриваются модели времени, общие для лексики и грамматики (Е.С. Кубрякова, Г.И. Кустова, В.В. Варламова, К.Г. Красухина). Разработке и описанию вопросов представления времени как одного из основных элементов образа мира посвящены труды Ю.С. Степанова, Н.Д. Арутюновой, Т.Г. Никитиной, В.А. Плунгяна, А.Д. Шмелева, и др.

Объектом исследования данной статьи выступают русские и английские пословицы, в которых свою репрезентацию получает временной код культуры. Предметом исследования являются единицы репрезентации временного кода в обоих пословичных фондах, их специфика и универсальность. Актуальность исследования определяется необходимостью детального изучения временного кода британской и русской лингвокультуры, отражающего существующие на уровне сознания и зафиксированные на уровне языка отличия и сходства в восприятии времени, которые тесно связаны с чертами характера и стереотипами поведения двух этносов. Материалом анализа выступают

русские и английские пословицы, содержащие прямо или косвенно репрезентированную временную семантику. Общий объем выборки составляет 550 примеров. Основу исследования составляет системный подход изучения лингвистических явлений с позиций традиционного лексикографического, лексико-семантического и лексико-тематического анализа.

Пословичные фонды русского и английского языка содержат значительное количество единиц для репрезентации временного кода культур. Учитывая то, что количество и деление кодов культур на соматический, предметный, духовный и т.д. является универсальным, а представление (вербализация) в значительной степени специфичной, отметим актуальность проведения кросс-культурного анализа пословичных фондов русского и английского языков.

При описании кодов культуры мы опираемся на авторитетную точку зрения В.В. Красных, которая под кодом культуры предлагает рассматривать «сетку», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его» [4, с. 297]. Коды каждой культуры тесно связаны с понятием культурного пространства, базирующегося на глубинных представлениях о мире, его предметах и явлениях. Данные представления в большинстве своем стереотипны и символичны, их возникновение обусловлено архетипическими воззрениями нации.

Как и все коды культуры, временной код культуры тесно связан с уходящими в глубину веков наивными архетипическими представлениями действительности. По мнению В.В. Красных, «временной код культуры фиксирует членение временной оси, отражает движение человека по временной оси, кодирует бытие человека в материальном и нематериальном мире, проявляется (в том числе) в отношении человека ко времени» [4, с. 303].

Описание времени и его проекция в сознании человека занимало умы ученых с древнейших времен. Еще Аристотель и Платон занимались моделированием разнообразных отношений во времени и пространстве, создавая и постулируя на основе «наивных» представлений и реакций архаическую модель мира. При этом элементарной и универсальной познавательной моделью для человека в те времена служило прежде всего его собственное тело, взаимодействующее со средой [3, с. 83].

Оказываясь детерминированными в каждом из языков когнитивными и лингвокультурными представлениями и ассоциациями, способы вербализации вре-

менного кода способны обнаружить возможные пересечения кодов культуры, различия и сходства культур, а также пословичных фондов. Например, Анна А. Зализняк и А.Д. Шмелев отмечают, что «обозначение времени суток в русской языковой картине мира... зависит от того, какой деятельностью оно заполнено, в отличие от западноевропейской модели, где, скорее, наоборот, характер деятельности, которой надлежит заниматься, детерминируется временем суток» [2, с. 63].

Пословичные фонды русского и английского языков обнаруживают большое количество примеров, ориентированных на передачу существующих в обеих культурах представлений о времени: *Цыплят по осени встречают* [1, с. 35]; *Вешний день целый год кормит* [1, с. 362]; *Крепка неделя средою, а Великий пост средокрестною* [1, с.113]; *A bad workman always blames his tools* [7, с. 93].

С опорой на лексико-тематический и лексико-семантический критерии средства репрезентации временного кода в обоих пословичных фондах условно можно разделить на несколько групп. В первой группе объединены единицы, репрезентирующие время в обозначениях времен года: *Готовь летом сани, а зимой телегу* [1, с.70]; *Видел волк зиму, а черт схиму* [1, с. 75]; *The spring is not always green* [7, с. 234]; *Winter eats what summer lays up* [7, с. 235]. Специфику пословичного фонда русского языка составляет возможность различных частей речи, не только существительных, но и прилагательных, а также глаголов, выступать средством номинации времени года: *Летних нет, так зимние вывороты (шаровары)* [1, с. 63]; *Не знает сорока, где зиму зимовать* [1, с. 22]; *Осенней озими в закрое не сыплют* [1, с. 113].

Универсальность обоих пословичных фондов заключается в том, что в пословицах обоих языков, содержащих указание на время года, нередко на первый план выходит денотативный компонент значения, отражающий типовую конвенционально закрепленную ситуацию, что подтверждает связь различных жанров фольклора, например, пословиц и примет: *Вода с ледком в зиму не диво* [1, с. 71]; *Вино цедают зимою, а пьют его порою* [1, с. 72]; *A late spring is a great blessing* [7, с. 234]. По мнению Г.А. Левинтона, обращающегося в своих исследованиях к вопросам семантики фольклорных текстов, «весь корпус текстов в этом случае представляется как одна система, в которой реализуются отдельные мотивы, элементы плана содержания модели мира, лежащей в основе данного круга текстов» [5, с. 11].

Вторую группу составляют обозначения названий месяцев и дней недели: *Суббота не работа: помой да помажь, да и спать ляжь!* [1, с. 70]; *March comes in like a lion and goes out like a lamb* [7, с. 208]; *September blows soft, till the fruit's in the loft* [7, с.180]; *Февраль воду подпустит, март подберет* [7, с. 475]; *Апрель с водою, март с травой* [1, с. 485]. Пословицы с данными компонентами в обоих языках нередко имеют отсылку к суевериям и приметам: *Thunder in December presages fine weather* [7, с. 180]; *Что Бог ни даст, а в среду не прясть* [1, с.70]; *Monday for wealth, Tuesday for health, Wednesday the best day of all, Thursday for crosses, Friday for losses, Saturday no luck at all* [7, с. 54] (отсылка ко дню недели для жень-теньбы). Отражение пословицей многовекового опыта нации, когнитивные представления нации, отражающие ее ценно-смысловые представления и мудрость, получили обобщение и конвенциональное закрепление в суевериях и приметах. Не случайно приметы рассматриваются в составе паремий и активно используются носителями языка, последнее обусловлено рядом психологических причин, одной из которых выступает необходимость «установить связь времен и событий» [6, с. 3].

Третья группа единиц объединяет обозначения времени суток. Как правило, это упоминания дня, ночи, вечера или утра в обоих языках: *Мы про людей часы баем, а про нас ночи толкуют* [1, с. 6]; *По ночам и лиса мышкует* [1, с. 46]; *Who knows but the world may end tonight?* [7, с. 326]; *A bit in the morning is better than nothing all day* [7, с. 10]; *The morning to the mountain, the evening to the fountain* [7, с. 289]. В данной группе единиц отдельный интерес представляет семантика существительных *день/ day*, которые могут пониматься и как отрезок времени от восхода до заката, и как сутки: *Кто приносит вести, тому бы на день плетей двести* [1, с. 33]; *Зови день по вечеру* [1, с. 35]; *Не столько впереди Божьих дней, сколько барских затей* [1, с. 136]; *The longest day has an end* [7, с. 287].

Специфику единиц данной группы на материале русского языка составляет возможность прилагательных и глаголов выступать номинацией какой-либо части суток: *Утреннюю работу не оставляй до вечера* [1, с. 342]; *В полую воду за рекою не ночуй* [1, с. 41]; в английском языке используется сочетание двух существительных: *The morning Sun never lasts day* [7, с.289]. Кроме того, в пословичном фонде русского языка для обозначения середины дня

могут использоваться как существительное «полдень», так и глагол «полдничать»: *Полдень-то будет, было бы что полдничать* [1, с.115]. Подобная ситуация складывается и с лексической единицей *обедать*: *Тебя звали обе-дать, а ты пришел объедать* [1, с. 55], в семантике которой содержится упоминание о приеме пищи, которое на уровне когнитивного восприятия ассоциируются с временными представлениями о части дня: обед традиционно в русской лингвокультуре ассоциируется с серединой дня или полднем.

Четвертая группа представлена существительными *час, год, век*, которые в пословичном фонде русского и английского языков являются обобщенным представлением длительных и коротких интервалов времени, часто противопоставленных: *Год кормила, а век кормилицей живет* [1, с. 80]; *На час ума не станет, а на век дураком прослывешь* [1, с. 80]; *Век долог, да час короток* [1, с.317]. В примерах без противопоставления временных отрезков лексические единицы *век, год* не теряют своего обобщенного значения, хотя в системе языков являются обозначением конкретного периода времени: *Завистливый поп два века живет* [1, с. 52]; *Кашляй помалу, чтоб на год стало* [1, с. 40]; *И накрепко делают, да не век стоит* [1, с.113]. Лексическая единица *век* в пословичном фонде русского языка ассоциируется с длительностью и вечностью: *Один раз украл, на век вором стал* [1, с.80]. Кроме того, лексические единицы *год, век* могут использоваться в сочетании с числительным, которые интенсифицируют семантику длительности: *Семь лет маку не родило, а голоду не бывало* [1, с.97]; *Живучи просто доживешь лет до ста; кто лукавит, того скоро черт задавит* [1, с. 16].

Обобщенность семантики лексической единицы *год* в обоих пословичных фондах позволяет использоваться ей в значении *время*: *Не таранги, дорогой: ныне год не такой* [1, с.27]; *Years know more than books* [7, с.372]. Использование указателей времени *час, год* также встречается в устойчивых сочетаниях, включенных в пословицу: *Не радуйся раннему вставанью, радуйся доброму часу* [1, с.97]; *Keep something for a rainy day* [7, с.183]. К этой же группе примыкают пословицы с компонентами *настоящее, прошедшее, будущее/ present, past, future*: *The past is the future present* [7, с.318]. Представление временного кода культуры также возможно через использование лексических единиц *пора, время/ time*, которые не указывают на конкретный период времени, а относятся к реализации / не реализа-

ции действия, представленного в пословице: *Делу время, потехе час* [1, с. 317]; *The is a time to speak and a time to be silent* [7, с. 293]; *Take time by the forelock* [7, с.273]; *Пора домой, не дожидаться б побой!* [1, с. 37]; *Пора гостям по своим дворам* [1, с. 64].

В пятую группу включаются наречия *вчера, сегодня, завтра*, которые в обоих пословичных фондах характеризуются обобщенным представлением времени, в рамках которого *сегодня* ассоциируется с *настоящим*, *вчера* – с *прошлым*, а *завтра* – с *будущим*: *Вчера не догонишь, а от завтра не уйдешь* [1, с. 317]; *Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня* [1, с. 219]; *Не все ври в один раз, покидай в запас на завтра* [1, с. 87]; *One today is worth two tomorrows* [7, с. 52]; *We are here today and gone tomorrow* [7, с.164]. К этой же группе примыкают пословицы с наречиями *поздно, рано, быстро, долго, скоро, early, late*: *Кто рано встает, тому Бог подает* [1, с. 412]; *Better late than never* [7, с. 216]; *Усы растут быстро, борода долго* [1, с. 69]; *Кто чужого желает, скоро свое утратит* [1, с. 52].

В шестой группе объединены временная семантика которых сводится к номинации праздников или знаменательных дат, упоминание о которых вызывает прочные ассоциации у носителей языка: *Хоть с себя что заложить, а маслену проводить* [1, с 71]; *На Сретенье снежок – весной дожжок* [1, с. 475]; *Каково Благовещенье проведешь, таково и весь год* [1, с. 482]; *Ни пьяного молитва, ни голодного пост!* [1, с. 72]; *Merry in Lent and you'll live no repent* [7, с. 180]. Так, пословица: *On Candlemas Day, you must have half your straw and half your hay* [7, с.179] связана с отсылкой ко второму февраля (Сретение (Candlemas Day)), в который необходимо убедиться в целостности еще половины запасов (соломы, сена); пословица *On St. Valentine's, all the birds of the air in couples do join* [7, с.179] содержит упоминание о Дне Святого Валентина; *Till St. James's Day be come and gone, you may have hops or you may have none* [7, с.182] ассоциируется с 25 июля, Днем Святого Джеймса.

На материале русского языка также возможно упоминание о каком-либо значимом дне или выходном, без его конкретизации: *Посмотреть на него в красный день, в белой рубашке да при лучине!* [1, с. 44]; *Шить ли, мыть ли, белить ли, а завтра велик день* [1, с. 70]. Кроме того, в пословичном фонде русского языка возможна временная актуализация через номинацию обычая, например, обычай *варить кутью или посещать храм до обеда, а после*

устраивать совместную трапезу (обедню): *Вари кутью, а кутейники сами придут* [1, с. 95]; *Была бы кутья, а плакуши будут* [1, с.95]; *Хоть обедни не застать, а от походки не отстать* [1, с.78].

В седьмой группе представлены единицы, в которых временной код русской и английской лингвокультур, предполагающий изначально временную отнесенность относительно точек координат «прошлое – настоящее – будущее», вербализован через указание на возраст: *Хорошо кресло старому, колыбель малому* [1, с.70]; *Хороша красная лента, когда на молодую надета* [1, с.72]; *Поневоле старуха кланяется, коли не врет* [1, с. 13]; *Помни праотцев: заповедного не тронь!* [1, с.12]; метафорическое описание или характеристику лица: *Старую собаку приучить к цепи трудно* [1, с. 74]; *The devil knows many things because he is old* [7, с. 281]; указание периода жизни: *Трясет козел бороду, так привык смолоду* [1, с. 74].

Учитывая тот факт, что пословичные фонды обоих языков для представления временных кодов культуры используют как прямое значение языковых единиц, так и переносное, возможной становится вербализация временного кода посредством использования лексических единиц, изначально актуализирующие другие коды культуры (соматический, духовный, предметный): *Кормил до усов, корми же до бороды* [1, с. 6]; *Первая пороша – не санный путь* [1, с. 35]; *Не стану пить винца до смертного конца* [1, с.12]; *Make hay when the Sun shines* [7, с. 173]. Использование переносного значения языковых единиц для вербализации временного кода британской и русской лингвокультур составляет предмет дальнейших исследований.

Итак, представление временных кодов культуры в пословичных фондах английского и русского языков возможно большим разнообразием языковых единиц, использующихся в своем прямом и переносном значении. С учетом лексико-тематического и лексико-семантического критериев данные единицы могут быть представлены в нескольких группах. Переносное значение языковых единиц обеспечивает возможность пересечения различных кодов культуры, что определяет специфику их вербализации, отражающую различные когнитивные представления в двух лингвокультурах.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Даль В.И.* Пословицы русского народа в 3-х т. Т.3. М., Русская книга. 1993.
2. *Зализняк А.А., Шмелев А.Д.* Время суток и виды деятельности // Константы и переменные русской языковой картины мира. М., Языки славянских культур, 2012.
3. *Кимов Р.С.* Когнитивные и эпистемические аспекты представления мира в языке (на материале кабардинского, русского и английского языков) // АКД докт. филол. наук. Нальчик, 2010.
4. *Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., «Гнозис», 2003.
5. *Левинтон Г.А.* К описанию, интерпретации и реконструкции славянского текста со специализированной прагматикой// АКД канд. филол. наук. М., 1975.
6. *Никитина Т.Г.* Большой словарь примет. М. АСТ, Астрель, 2009.
7. *The Penguin Dictionary of Proverbs //Ed. by J. Low. London, Penguin Books, Market House Books, Ltd. 2000.*

R E F E R E N C E S

1. *Dal V.I.* Proverbs of the Russian people in 3 vols. Vol.3. M., Russian book. 1993.
2. *Zaliznyak A.A., Shmelev A.D.* Time of day and activities // Constants and variables of the Russian language picture of the world. M., Languages of Slavic cultures, 2012.
3. *Kimov R.S.* Cognitive and epistemic aspects of the world in the language (on the material of Kabardian, Russian and English). Thesis abstract. Nalchik, 2010.
4. *Krasnykh V.V.* “Own” among “alien”: myth or reality? M., 2003.
5. *Levinton G.A.* To the description, interpretation and reconstruction of the Slavic text with specialized pragmatics. Thesis abstract. M., 1975.
6. *Nikitina T.G.* A large dictionary will take. M., 2009.
7. *The Penguin Dictionary of Proverbs//Ed. by J. Low. London, Penguin Books, Market House Books, Ltd. 2000.*

15 ноября 2018 г.